

Ландер Ю.А.
(ИВ РАН, Москва)

**О разных морфологиях:
тантинские даргинские локативные формы¹**

Lander Yu.A.

***On different morphologies:
Tanti Dargwa locative forms***

This paper explores complex locative forms in Tanti Dargwa, a Northeast Caucasian idiom spoken in Daghestan. It is argued that the construction of Tanti locative forms is partly based on incorporation of nominal stems into locative markers and involves both layered and template morphology. We conclude that the layered and template kinds of morphology need not be strictly contrasted within a single word.

Введение: разные морфологии

Одна из тем, постоянно всплывающих в теоретической и описательной литературе по морфологии, связана с противопоставлением позиционной морфологии (англ. *template morphology*) и уровневой морфологии (англ. *layered morphology*); см., в частности, [Simpson, Withgott 1986; Inkelas 1993; Stump 1997; 2006; Rice 2000; Hyman 2003]. В первом приближении позиционная морфология характеризуется тем, что морфеме в словоформе соответствует определенная позиция в матрице, заданной для морфологического класса, к которому эта словоформа принадлежит; соответственно, морфема *занимает* определенную уже данную позицию в матрице. Уровневая морфология в свою очередь подразумевает, что в порядке деривации словоформы морфема *присоединяется* к некоторому морфологическому материалу, возможно, производному от прочих дериваций.

Проиллюстрируем это противопоставление на примере двух возможных трактовок известной универсалии Дж. Гринберга: «Там,

где присутствуют морфемы числа и падежа и обе они следуют за именной основой или обе предшествуют ей, морфема числа почти всегда находится между именной основой и морфемой падежа» (универсалия 39 в [Greenberg 1963/1970: 140]). Позиционный подход, по-видимому, должен предположить, что во всех языках, морфологически маркирующих число и падеж, имена строятся в соответствии с одной из двух *a priori* постулируемых матриц; ср. рис. 1.

...	Число	Падеж	Падеж	Число	...

Рис. 1. Матрицы, определяющие порядок маркеров числа и падежа

Уровневый подход устанавливает порядок показателей числа и падежа через последовательность применения операций: если число в данном морфосинтаксическом контексте релевантно, маркирование падежом производится только для единиц, маркированных по числу. Таким образом, в отличие от картины, полученной при позиционном представлении, комбинации основы (и, может быть, каких-то других аффиксов) и показателя числа получают право на самостоятельное существование. Это право находит подтверждение в языках, где такие комбинации могут выступать в качестве исходных единиц для дериваций, не связанных с падежным управлением, – как в следующем абхазском примере, где глагольные показатели времени и финитности присоединяются к именному показателю множественного числа (отличному от аналогичных глагольных показателей):

- (1) atjə z-dəŋ-wa st'ədent'c,a-w-p'
 этот REL.A-знать-PRS студент-PL-PRS-FIN:STAT
 'Это знают СТУДЕНТЫ.'
 (Букв.: 'Те, кто это знают, – студенты-есть.')

Существенно, что в современной литературе позиционная морфология и уровневая морфология предстают уже не как способы описания, но как объективные характеристики морфологических явлений. При этом уровневый подход принимается в качестве более сильного: как отмечает один из теоретиков позиционного подхода Г. Стамп, «характеризация аффиксальной системы как позиционной имплицитно подразумевает, что никакого независимого объяснения порядка ее аффиксов не существует» («labeling a system of affixal morphology as templatic implies that there is no independent explanation for the ordering of its affixes») [Stump 2006: 559]. Это, разумеется, соответствует общему примату мотивированных представлений над немотивирован-

ными: позиционная модель, вообще говоря, не является мотивированной, в то время как в уровневом представлении место и появление морфемы обычно мотивировано ее функцией. Но помимо немотивированности, в литературе выделялись и другие признаки позиционной морфологии (см., например, [Simpson, Withgott 1986] и обзоры в [Rice 2000; Stump 2006]), из которых для нас будут важны два:

(i) отсутствие аффикса в некотором слоте может быть парадигматически противопоставлено присутствию аффиксов и иметь конкретную семантику;

(ii) дистрибутивные морфосинтаксические свойства целого при позиционной морфологии не могут определяться какой-либо одной морфемой (как это имеет место в уровневой морфологии, например, когда номинализатор, присоединяющийся к глагольной основе определяет именные дистрибутивные свойства целого).

В одной словоформе могут присутствовать и позиционная и уровневая морфология, но с этим, как считается, связаны некоторые закономерности. Так, в [Stump 1997] предлагается считать, что словоизменение всегда задействует позиционную морфологию. Классическим примером в этом отношении выступают юпикские языки, в которых имеются две морфологические зоны – «деривационных» аффиксов, представляющих уровневую морфологию, и словоизменения, обнаруживающего признаки позиционной морфологии. Как показано в [Mithun 2000], переосмысление некоторых деривационных морфем в качестве словоизменяющих привело в этих языках к тому, что эти морфемы переместились в словоизменяющую зону и стали обнаруживать свойства позиционной морфологии. Таким образом, можно было бы предположить, что позиционная и уровневая морфология внутри словоформы строго разграничены.

В настоящей работе мы попытаемся опровергнуть два высказанных выше допущения. Во-первых, мы покажем, что парадигматически противопоставленные формы не обязательно образуются позиционной морфологией. Во-вторых, мы продемонстрируем пример тесного взаимодействия позиционной и уровневой морфологии. Материалом для нашего исследования послужат локативные формы имени в тантинском даргинском, одном из идиомов даргинской группы нахско-дагестанских языков. Раздел 1 представляет собой краткое введение в тантинскую именную морфологию в целом и в образование локативных форм в частности; в разделах 2–4 обсуждаются разные этапы их построения; в Заключении формулируются важнейшие выводы.

1. Тантинская даргинская именная морфология и локативные формы

Хотя традиционно даргинская группа нахско-дагестанской семьи описывается как состоящая из одного языка, в действительности она включает множество сильно различающихся и зачастую не взаимопонимаемых идиомов. Описываемый здесь идиом – тантинский даргинский – представлен в селе Танта Акушинского района Республики Дагестан. Согласно работе [Гасанова 1971], он относится к «цудахарскому диалекту даргинского языка», а согласно [Коряков 2006] – к «гапшима-бутринскому языку даргинской группы».

В целом даргинские языки характеризуются левым ветвлением: порядок слов в предложении допускает значительное варьирование, но сказуемое чаще располагается в конце, определение предшествует определяемому. Именная морфология по большей части агглютинативная. Как и для многих других дагестанских языков, для даргинских удобно противопоставлять формы грамматических падежей и локативные формы². Грамматических падежей в тантинском пять (в других даргинских идиомах бывает и больше и меньше), пример парадигмы грамматических падежей для единственного числа имени *q:ata* ‘русло реки, ущелье’ представлен в табл. 1.

Падеж	‘русло реки, ущелье’
Абсолютив	<i>q:ata</i>
Эргатив	<i>q:ata-li</i>
Генитив	<i>q:ata-la, q:ata-l-la</i>
Датив	<i>q:ata-ž, q:ata-li-ž</i>
Комитатив	<i>q:ata-c:ele, q:ata-li-c:ele</i>

Таблица 1. Образец парадигмы грамматических падежей

В единственном числе падежные маркеры грамматических падежей за исключением абсолютива и эргатива могут присоединяться к показателю косвенной основы *-li*; эта морфема иногда факультативна. Во множественном числе все падежи кроме абсолютива следуют за суффиксом множественного числа и показателем косвенной основы *-a*; ср. *dis-b-a-li* [нож-PL-OBL-ERG]. Склонение местоимений обнаруживает некоторые особенности.

Помимо грамматических падежей, в тантинском имеется несколько серий локативных форм, которые тоже могут (в единственном числе) или должны (во множественном числе) образовываться от

вует специальная морфологическая позиция. Прежде всего заметим, что место выражения ориентации строго определено: ее показатели появляются в конце локативной словоформы, перед директивными суффиксами (если таковые в словоформе имеются). Кроме того, одно из ориентивных значений, а именно латив ('движение к / в'), выражается нулем, т. е. значимым отсутствием морфемы; ср.:

- (4) **š:ixal-li-cɛ-kale** d = uč-ib—da
 Шихал-OBL-IN₁-DOWN 1/2PL=вести.PF-PRET—1
 'Нас повезли в Шихал.'

Форма *š:ixal-li-cɛ-kale* содержит только показатель локализации и директив; отсутствие ориентива указывает на то, что речь идет о движении в Шихал (а не о нахождении там или движении оттуда). Заметим, что немаркированность лативного значения в данной парадигме с типологической точки зрения несколько неожиданна, поскольку обычно это значение получает явное выражение⁵. Однако это же *не* позволяет считать, что в примерах вроде (4) ориентация не специфицирована вовсе, а лативное значение возникает по умолчанию⁶. Следовательно, отсутствие ориентива, действительно, является значимым. Как указывалось выше, такое выражение является типичным для позиционной морфологии.

Еще более весомым аргументом в пользу существования специальной морфологической позиции, в которой выражается категория ориентации, является то, что морфема может получить функцию выражения ориентации именно благодаря присутствию в данном слоте. Так, в качестве маркера эссива выступает классно-числовой показатель, согласующийся с абсолютивом; ср. (5), где эссивная форма 'дóма'⁷ согласуется по среднему (неличному) классу:

- (5) žuma^ʕ-li q^o.a^ʕl **quli = b** b = alt-un
 Жума-ERG корова(ABS) дом+LOC=N N=оставлять.IPF-PRET
 'Жума оставляла корову дома.'

Очевидно, что классно-числовой показатель имеет здесь эссивную функцию исключительно благодаря тому, где он располагается; так, в (5) тот же самый показатель маркирует и согласование в глаголе, выступая там уже в качестве префикса.

Категория ориентации является обязательной для всех словоформ, содержащих показатель локализации. Эта обязательность, ес-

тественно, и делает возможным нулевое выражение лативного значения; она же указывает на то, что ориентация представляет собой категорию словоизменительную. При этом класс форм, требующих выражения ориентации, включает не только формы, имеющие специфическую морфологию, указывающую на локализацию, но также и некоторые другие слова, исходно имеющие сильный локативный компонент в семантике. Так, ориентивы присоединяются к некоторым топонимам (ср. форму *aquš:a-r-ka* ‘из Акуши вниз’ в примере 6) и локативным наречиям / послелогам (пример 7):

- (6) *dila č'al juldaš aquš:a-r-ka ʔa^hnč:i-le-ħe*
 я:GEN два друг(ABS) Акуша-EL-DOWN Махачкала-OBL-IN₂
 ag-ur
 идти.PF-PRET
 ‘Двое моих друзей уехали в Махачкалу через Акушу.’
- (7) *sala = d šluz-une d = irχ_o-i.*
 перед=N.PL шлюз-PL(ABS) N.PL=становиться.IPF-HAB
 ‘Раньше (букв. перед) шлюзы были.’

В разделе 3.3 мы увидим, что отсутствие жесткой привязанности категории ориентации к категории локализации проливает свет и на природу последней.

3. Локализация

Показатели локализации, очевидно, могут быть уподоблены суффиксам грамматических падежей, поскольку, как и последние, они следуют непосредственно после основы (часто – после маркера косвенной основы) и, кроме того, находятся с падежными аффиксами в отношении дополнительного распределения. Последнее может явиться аргументом в пользу того, что показатели падежа и локализации занимают одну морфологическую позицию, т. е. представляют позиционную морфологию. Тем не менее, имеются основания для сомнений в адекватности такого представления.

3.1. Нерегулярные локализации

Помимо регулярных локализаций, представленных выше, в тантинском даргинском встречаются локализации нерегулярные,

привязанные к конкретным основам. Точная семантика их не исследована. Предположительно они (или по крайней мере часть из них) выражают локативное значение, которое для описываемого объекта стандартно и возникает по умолчанию; ср. (8), который показывает, что такие локализации могут быть взаимозаменяемы с обычными локализациями. В отдельных случаях «обобщенные» локализации требуют нереферентного употребления (ср. примеры (9а) с регулярной локализацией SUPER и (9б) с нерегулярной локализацией).

(8) hil **niq:i-ni-r-ka** / **niq:i-le-ħe-r-ka**
 тот(ABS) пещера-LOC-EL-DOWN пещера-OBL-IN₂-EL-DOWN
 tura-uq-un
 PRV-идти.PF-PRET
 ‘Он вышел из пещеры.’

(9) a. turzam **dubur-li-ja = b** sa = b
 отара(ABS) гора-OBL-SUPER=N COP=N
 ‘Отара – на горе.’
 b. turzam **dubre = b** sa = b
 отара(ABS) гора+LOC=N COP=N
 ‘Отара – в горах (а не на равнине).’

Нерегулярные локализации могут образовываться разными способами. Иногда они имеют собственный суффикс – -na (10а) или -ni (10б)–(10с)⁸. В других случаях локативная форма связывается с модификацией основы (10д)–(10г); эти примеры, правда, тоже исторически могли бы восходить к суффиксации:

(10) a. kisa ‘карман’ > kis-na ‘в карман’
 b. duc:a ‘лес’ > duc:a-ni ‘в лес’
 c. niq:i ‘пещера’ > niq:i-ni ‘в пещеру’
 d. qali ‘дом’ > quli ‘домой’
 e. dubur ‘гора’ > dubre ‘на гору’
 f. š:i ‘село’ > š:a ‘в село’
 g. qalži ‘крыша’ > qalže ‘на крышу’

Наконец, как уже упоминалось выше, отдельные имена образуют локативные формы без видимых сегментных изменений; ср. ʔa^smza ‘угол, в угол’; ʔa^smza = b [угол=N] ‘в углу’. При этом зафиксиро-

рованы случаи смещения ударения. В (11) представлена минимальная пара, демонстрирующая абсолютное и локативное (лативное) употребления слова *dirq'a* 'поляна': в первом случае ударение падает на первый слог, а во втором – на последний:

- (11) a. **dirq'a** če-b = ig-ul—da
 поляна(ABS) PRV-N=видеть.IPF-PRS—1
 'Я вижу ровную поляну.'
- b. du **dirq'á** q'-an-na—da
 я:ABS поляна(LOC) иди-POT-CONV—1
 'Я иду на ровную поляну.'

Привязанность показателей к конкретным лексемам и наличие форм, образованных путем модификации основы, противоречат позиционной модели, согласно которой наличие морфологической позиции и кандидаты на ее заполнение определяются не для отдельной лексемы, а для класса слов. Напротив, уровневая модель, безусловно, допускает возможность нестандартных форм, функционально аналогичных уровневым деривациям.

3.2. Семантическая нерегулярность

Выбор «регулярных» локализаций тоже порою определяется лексически, так что употребление необычной локализации может приводить к семантическим сдвигам, как в (12b), где достаточно частотная локализация IN_1 дает совершенно неожиданное прочтение (ср. с примером (12a), представляющим стандартную локализацию):

- (12) a. **klub-le-ħe = b** su^hħba^čt b = arq'-ib
 клуб-OBL- IN_2 =N праздник(ABS) N=делать-PRET
 'В клубе провели концерт.'
- b. du **klub-li-c:ε** w = aš-ib—da
 я:ABS клуб-OBL- IN_1 M=ходить.IPF-PRET—1
 'Я ходил на строительство клуба.'

Другой пример лексической обусловленности конкретного значения, выражаемого локализацией, демонстрируют примеры (13), которые, подобно предыдущей паре, показывают различие между близкими локализациями IN_2 и IN_1 :

- (13) a. **š:i-le-ħe=b** se χabar ċe=b—a
 село-OBL-IN₂=N что рассказ(ABS) EXST=N—Q
 ‘Какие новости в селе?’ (Говорящий находится в селе.)
- b. **š:i-li-c:e=b** se χabar ċe=b—a
 село-OBL-IN₁=N что рассказ(ABS) EXST=N—Q
 ‘Какие новости в селе?’ (Говорящий находится вне села.)

Естественно, выбор между локализациями IN₁ и IN₂ во многом может быть связан с перспективой говорящего. Но то, насколько этот выбор обусловлен перспективой, определяет лексическая основа.

Как кажется, подобная семантическая непредсказуемость не предусмотрена позиционной моделью, при которой аффиксы и основы не могут взаимодействовать непосредственно, иначе как через посредство заданной морфологической конструкции. Без особых допущений (вроде разведения морфологии и семантики) позиционная морфология не может справиться и с идиоматическими сочетаниями аффиксов и основ, поскольку такие сочетания должны храниться как целое, а значит, не включают требуемые моделью морфологические позиции.

3.3. Изменение формального класса

Хотя традиционно локализация, как и ориентация, описывается среди словоизменения, в последнее время в этом были высказаны сомнения. Так, А.Е. Кибрик [2003: Гл. 12] (см. также [Kibrik 2003]) демонстрирует, что в части языков Дагестана показатели локализации выступают скорее в качестве деривационных средств, образующих отыменные локативные наречия. Судя по всему, это заключение в какой-то степени применимо и к даргинским локализациям.

Очевидно, что наличие особой словоизменительной категории ориентации вкупе с тем, что формы, образуемые показателями локализации, получают общую локативную синтаксическую функцию с наречиями/послелогам и топонимами, позволяет выделить локативные формы, послелогии и топонимы в единый формальный класс. В таком случае надо признать, что показатели локализации могут менять класс слова – определять дистрибутивные морфосинтаксические свойства всей словоформы, что, как указывалось во Введении, является несомненным признаком уровневой морфологии.

Это не значит, что суффиксы локализации представляют собой каноническое словообразование, создание новых лексем, которые должны включаться в словарь. Несмотря на наличие нерегулярных локативных форм, которые обсуждались выше, существуют свидетельства в пользу того, что локативные формы нередко образуются в процессе речи и не являются фиксированными. В частности, многие формы с локализациями даже у одного носителя могут выступать то с показателем косвенной основы, то без него; ср. зафиксированные при сборе словарного материала эссивные формы локализации SUPER:

(14)	žižg.a	‘нарыв’	>	žižg.a-ja = b, žižg.a-li-ja = b
	daʹqi	‘рана’	>	daʹqi-ja = b, daʹqi-li-ja = b
	ħuna	‘шрам’	>	ħuna-ja = b, ħuna-li-ja = b
	jabu	‘конь’	>	jabu-ja = b, jabu-li-ja = b
	q:arčiva	‘сокол’	>	q:arčiva-ja = b, q:arčiva-li-ja = b
	kisa	‘карман’	>	kisa-ja = b, kisa-li-ja = b
	unc:a	‘дверь’	>	unc:a-ja = b, unc:a-li-ja = b
	χuri	‘скала’	>	χuri-ja = b и χuri-li-ja = b

3.4. Инкорпорация?

В языках мира встречается морфологический процесс, который (i) продуктивен и может происходить в процессе речи, (ii) тесно связан с лексической семантикой и легко ведет к лексикализации, (iii) определяет синтаксическую и морфологическую сочетаемость сложного конструкта через соответствующие характеристики одного из участников, – это инкорпорация, «морфологическое объединение (compounding) слова (в типичном случае – глагола или предлога/послелога) и другого элемента (в типичном случае – имени, местоимения или наречия)» [Geurds 2001: 84]⁹. В нашем случае можно допустить, что именная основа инкорпорируется в некоторый элемент с локативной семантикой, имеющий характеристики, аналогичные тем, что обнаруживаются у (некоторых) топонимов и наречий, в частности, морфологическую категорию ориентации.

Какой бы парадоксальной ни казалась бы эта гипотеза, она находит сразу несколько подтверждений. Во-первых, некоторые показатели локализации имеют соотносимые локативные наречия/послелогои; соответственно, так наз. «форма локализации» может пони-

маться как результат инкорпорации имени в послелог (при этом, впрочем, послелог получает особую «связанную» форму). Ср. (15) с послелогом *sala* ‘перед’ и локализацией ANTE и пару примеров (16) и (17), первый из которых демонстрирует конструкцию с послелогом *gu* ‘под’, а второй – конструкцию со связанным показателем локализации SUB₁ -*gu*:

- (15) *dila jur̥t dubur-la sala = b / dubur-li-sa = b*
 я:GEN дом(ABS) гора-GEN перед=N гора-OBL-ANTE=N
sa = b = i
 COP=N
 ‘Мой дом – перед горой.’
- (16) *šluz-la gu-r-ka d = ax-u-se šin-na*
 шлюз-GEN под-EL-DOWN N.PL=ходить.IPF-PRS-ATR вода-GEN
 ‘воды, текущей из-под шлюза вниз’
- (17) *k:ata ustur-li-gu-r-se t:ura = b-ug-ub*
 кошка(ABS) стол-OBL-SUB₁-EL-HITHER PRV=N-идти.PF-PRET
 ‘Кошка вылезла из-под стола.’

Во-вторых, возникновение аналогичных комплексов можно наблюдать и синхронно. Как показывает табл. 2 в разделе 1, в тантинском отсутствует локализация POST ‘сзади’, соотносимая с другими локализациями. Для выражения соответствующего значения используется наречие/послелог *hiti* ‘потом, после’:

- (18) *rasul murat-la hiti w = ax-ul-le sa = j*
 Расул(ABS) Мурат-GEN после M=идти.IPF-PRS-CONV COP=M
 ‘Расул идет за Муратом.’

Вместе с тем основа (косвенная – если таковая отличается от простой) может инкорпорироваться в *hiti*; так, следующие два выражения оказываются эквивалентны:

- (19) a. *dila hiti* b. *damži-hiti*
 я:GEN после я:OBL-после
 ‘сзади меня’

Поведение инкорпорирующего послелога отличается от обычных суффиксов локализации; например, он не сочетается с классным показателем и показателями ориентации, а также не встречается в неэссивном значении:

- (20) $\text{в}_\alpha \text{ara-hiti}$ $*\text{в}_\alpha \text{ara-hiti} = \text{b}$ $*\text{в}_\alpha \text{ara-hiti-ka(le)}$
насест-после насест-после=N насест-после-DOWN
‘за насестом’

Поскольку морфема ‘после’ отличается от показателей локализации, хотя и входит вместе с ними в одну семантическую парадигму, по-видимому, можно сделать вывод, что морфологический процесс, в котором участвуют эти показатели, ими не ограничивается. Более того, пример конструкции с *hiti*, где морфологическая вершина может быть отождествлена с синтаксически автономной единицей, наглядно показывает, что этот процесс действительно удобно считать частным случаем инкорпорации¹⁰.

Сказанное возвращает нас к проблеме соотношения образования локативных форм и прочих падежных форм. В связи с этим заметим, что хотя обсуждение вопросов построения тантинских форм грамматических падежей выходит за рамки данной статьи, типологические наблюдения показывают, что морфологическое падежное маркирование как вид морфологического процесса действительно обнаруживает значительные сходства с инкорпорацией (см. подробнее [Lander Forthc.]).

4. Директивы

Директивы обнаруживают особые свойства по сравнению с показателями локализации и ориентации, причем свойства эти указывают на их принадлежность к уровневой морфологии.

Во-первых, директивы возможны только в элативных и лативных формах и невозможны в эссивных. Это ограничение, конечно, связано с семантикой директивов, которые характеризуют направление движения, в то время как эссивные формы в норме указывают на отсутствие движения. Тем не менее, описание такой несочетаемости удобнее строить в рамках уровневой модели, в которой директивы накладывают ограничения на то, к чему они присоединяются, чем в рамках позиционной модели, в которой подобные ограничения должны объясняться запретом на формально допустимые структуры.

Во-вторых, форма директивов зависит от прочих участников морфологической конструкции. Так, все директивы имеют краткий и полный вариант, последний образуется добавлением сегмента /e/,

синхронно, по-видимому, не выделяемого в качестве морфемы с собственным значением. Кроме того, у части носителей наблюдается вариативность между полными вариантами директивов *NIṬNER* и *ṬNIṬNER* с огласовкой /a/ и с огласовкой /e/ в первом слоге; ср. *-sele/-sale* ‘сюда’ и *-dele/-dale* ‘туда’. При этом варианты с огласовкой /a/ наблюдаются только в лативных формах (но не в элативных!), и только эти формы требуют полных директивов (ср. невозможность *š:i-li-ja-ha [село-OBL-SUPER-UP] при допустимом š:ilijahale [село-OBL-SUPER-UP]). Какие-либо морфонологические правила, объясняющие данные явления, неизвестны, поэтому естественно полагать, что выбор полного или краткого варианта, равно как и варианта с той или иной огласовкой производится при присоединении директива и не является результатом действия какого-либо «внешнего» правила, запрещающего формы, допустимые морфологической структурой (как этого требовала бы позиционная морфология).

С уровневым подходом, на первый взгляд, не очень согласуется то, что директивы, как правило, трактуются как обязательные в элативных формах. Соответственно, в элативных для директивов было бы удобно постулировать отдельный слот. В действительности, однако, постулирование такого слота невозможно уже потому, что в позиционной модели конкретное заполнение слота, по-видимому, не может приводить к возникновению нового слота и, следовательно, директивная морфологическая позиция должна быть независима от элативного суффикса. Более вероятной кажется другая гипотеза, согласно которой элативные формы в настоящее время попросту не являются синтаксически автономными (за некоторыми исключениями – см. следующий раздел) и поэтому требуют дополнительного показателя; в какой-то степени тантинский элатив может быть уподоблен русскому предложному падежу, маркирующему формы, которые не употребляются без предлогов. В связи с этим важно подчеркнуть, что несмотря на кажущуюся зависимость от показателей ориентации, директивы присоединяются не к ним в отдельности, а к целым формам, включающим как указание на локализацию, так и указание на ориентацию.

В отличие от показателей локализации и ориентации, директивы не приносят принципиально важную информацию, определяющую роль участника, но лишь уточняют уже имеющуюся: фактически сообщение о движении относительно локализации уже имеется в той части словоформы, к которой присоединяются директивы, так

что последние лишь специфицируют направление движения относительно другой точки отсчета¹¹. В отличие от показателей локализации, они не определяют класс слова. Таким образом, в семантической композиции формы директивы имеют функцию, аналогичную сирконстантам в композиции предложения.

Заключение

С учетом сказанного в предшествующих разделах построение сложных локативных форм в тантинском даргинском может быть изображено, как на рис. 2:

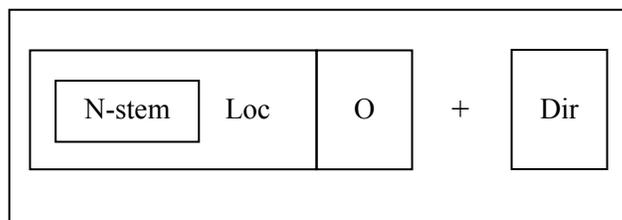

Рис. 2. Организация сложной локативной словоформы (N-stem – именная основа, Loc – показатель локализации, O – показатель ориентации, Dir – директивный показатель)

Здесь именная основа инкорпорирована в показатель локализации, который сам занимает первую позицию в матрице, к которой относится также показатель ориентации. Наконец, ко всему этому конструктору присоединяется директив.

Хотя именная основа здесь «запрятана» достаточно глубоко, очевидно, что в большинстве случаев она остается наиболее существенной с семантической точки зрения и несет основную информационную нагрузку. Это связано с тем, что показатели локализации довольно сильно грамматикализованы и тем самым имеют во многом вспомогательную функцию. При этом тантинские локативные формы, как кажется, представляют собой хорошее доказательство того, что построение парадигматически противопоставленных форм вовсе не обязательно подразумевает использование позиционной морфологии, вопреки [Stump 1997].

Тем не менее, весьма вероятно, что парадигматически построенное словоизменение все же имеет тенденцию к выражению пози-

ционной морфологией. Так, сказанное выше относится прежде всего к собственно пространственным употреблением рассмотренных форм. Однако локативные формы в тантинском даргинском встречаются и в других функциях; ср. следующие примеры:

- (21) **nuxa urcul-li-ja ag-ur—da**
 мы:ABS дрова-OBL-SUPER идти.PF-PRET—1
 ‘Мы пошли за дровами.’
- (22) **dam ʔu^hma^hr-li-ja-r-ha s:ak:a ʁabur-te**
 я:DAT Омар-OBL-SUPER-EL-UP новый рассказ-PL(ABS)
 d = aq^h-ib—da
 N.PL=слышать.PF-PRET—1
 ‘Я услышал новости об Омаре.’
- (23) **hit ʁuri-ja-r haq-le sa = j**
 тот(ABS) скала-SUPER-EL высокий-ADV COP=M
 ‘Он выше скалы.’
- (24) **musa-sa-r uruʁ-irq-a^hr**
 Муса-ANTE-EL страх-[M]бить.IPF-TN
 ‘(Он) боится Мусу / парня.’
- (25) **rasul-li dura^h-li-c:e-r žuž s-as:-ib**
 Расул-ERG парень-OBL-IN₁-EL книга(ABS) PRV-брать-PRET
 ‘Расул взял у парня книгу.’

Заметим, что последние три примера демонстрируют исключительное явление – использование элативных форм без директивов, допустимое с локализацией SUPER при выражении объекта сравнения (23), с локализацией ANTE при выражении стимула при глаголе ‘бояться’ (24), с локализацией IN₁ при выражении источника при глаголе ‘брать’ (25) (последнее встречается также при маркировании каузируемого в каузативных конструкциях). Возможность употребления подобных форм в данных контекстах, вероятно, объясняется сильной грамматикализованностью данных конструкций, зафиксировавших подобное оформление до того, как для элативных форм появилось требование присутствия директивов.

В примерах (21)–(25) сочетания суффиксов локализации и ориентации, по-видимому, не могут быть заменены на другие, т.е. по сути ведут себя как единые маркеры. Более того, не исключено, что такие сочетания как раз допускают трактовку в рамках позиционной

модели и для них, как и для маркеров синтаксических падежей, можно постулировать отдельную морфологическую позицию. Как кажется, это объясняется их более сильной грамматикализацией и отсутствием семантической прозрачности. В то же время даже в таких условиях как для такого маркирования, так и для аффиксов синтаксических падежей нельзя исключить и возможность уровневого описания. Это в свою очередь показывает, что уровневая и позиционная морфология могут быть вовсе не так кардинально противопоставлены, как это изображается в литературе.

В этом свете не удивительно и то, что, как показывают тантинские локативные формы, позиционная и уровневая морфология вовсе не должны строго разграничиваться в пределах одного слова, но могут взаимодействовать, причем думается, что подобное взаимодействие не является исключением и может быть широко распространено.

Приложение.

Локативные формы единственного числа имени *dubur* ‘гора’

1. <i>dubre</i>	LOC-LAT
2. <i>dubre kale</i>	LOC-LAT-DOWN
3. <i>dubre hale</i>	LOC-LAT-UP
4. <i>dubre sele, dubre sale</i>	LOC-LAT-HITHER
5. <i>dubre dele, dubre dale</i>	LOC-LAT-THITHER
6. <i>dubre = b</i>	LOC-ESS
7. <i>dubre rka(le)</i>	LOC-EL-DOWN
8. <i>dubre rha(le)</i>	LOC-EL-UP
9. <i>dubre rse(le), dubre rsale</i>	LOC-EL-HITHER
10. <i>dubre rde(le), dubre rdale</i>	LOC-EL-THITHER
11. <i>dubur lija</i>	SUPER-LAT
12. <i>dubur lija kale</i>	SUPER-LAT-DOWN
13. <i>dubur lija hale</i>	SUPER-LAT-UP
14. <i>dubur lija sele, dubur lija sale</i>	SUPER-LAT-HITHER
15. <i>dubur lija dele, dubur lija dale</i>	SUPER-LAT-THITHER
16. <i>dubur lija = b</i>	SUPER-ESS
17. <i>dubur lijar</i>	SUPER-EL
18. <i>dubur lijar ka(le)</i>	SUPER-EL-DOWN
19. <i>dubur lijar ha(le)</i>	SUPER-EL-UP

20. duburlijarse(le), duburlijarsale	SUPER-EL-HITHER
21. duburlijarde(le), duburlijardale	SUPER-EL-THITHER
22. duburligu	SUB ₁ -LAT
23. duburligukale	SUB ₁ -LAT-DOWN
24. duburliguhale	SUB ₁ -LAT-UP
25. duburligusele, duburligusale	SUB ₁ -LAT-HITHER
26. duburligudele, duburligudale	SUB ₁ -LAT-THITHER
27. duburligu = b	SUB ₁ -ESS
28. duburligurka(le)	SUB ₁ -EL-DOWN
29. duburligurha(le)	SUB ₁ -EL-UP
30. duburligurse(le), duburligusale	SUB ₁ -EL-HITHER
31. duburligurde(le), duburligurdale	SUB ₁ -EL-THITHER
32. duburlisa	ANTE-LAT
33. duburlisakale	ANTE-LAT-DOWN
34. duburlisahale	ANTE-LAT-UP
35. duburlisasele, duburlisasale	ANTE-LAT-HITHER
36. duburlisadele, duburlisadale	ANTE-LAT-THITHER
37. duburlisa = b	ANTE-ESS
38. duburlisar	ANTE-EL
39. duburlisarka(le)	ANTE-EL-DOWN
40. duburlisarha(le)	ANTE-EL-UP
41. duburlisarse(le), duburlisarsale	ANTE-EL-HITHER
42. duburlisarde(le), duburlisardale	ANTE-EL-THITHER
43. duburliš:u	APUD ₁ -LAT
44. duburliš:ukale	APUD ₁ -LAT-DOWN
45. duburliš:uhale	APUD ₁ -LAT-UP
46. duburliš:usele, duburliš:usale	APUD-LAT-HITHER
47. duburliš:udele, duburliš:udale	APUD ₁ -LAT-THITHER
48. duburliš:u = b	APUD ₁ -ESS
49. duburliš:urka(le)	APUD ₁ -EL-DOWN
50. duburliš:urha(le)	APUD ₁ -EL-UP
51. duburliš:urse(le), duburliš:ursale	APUD ₁ -EL-HITHER
52. duburliš:urde(le), duburliš:urdale	APUD ₁ -EL-THITHER
53. duburlihira	APUD ₂ -LAT
54. duburlihirakale	APUD ₂ -LAT-DOWN

55. duburlihirahale	APUD ₂ -LAT-UP
56. duburlihirasele, duburlihirasale	APUD ₂ -LAT-HITHER
57. duburlihiradele, duburlihiradale	APUD ₂ -LAT-THITHER
58. duburlihira = b	APUD ₂ -ESS
59. duburlihirarka(1e)	APUD ₂ -EL-DOWN
60. duburlihirarha(1e)	APUD ₂ -EL-UP
61. duburlihirarse(1e), duburlihirarsale	APUD ₂ -EL-HITHER
62. duburlihirarde(1e), duburlihirardale	APUD ₂ -EL-THITHER
63. duburlic:e	IN ₁ -LAT
64. duburlic:ekale	IN ₁ -LAT-DOWN
65. duburlic:ehale	IN ₁ -LAT-UP
66. duburlic:esele, duburlic:esale	IN ₁ -LAT-HITHER
67. duburlic:edele, duburlic:edale	IN ₁ -LAT-THITHER
68. duburlic:e = b	IN ₁ -ESS
69. duburlic:er	IN ₁ -EL
70. duburlic:erka(1e)	IN ₁ -EL-DOWN
71. duburlic:erha(1e)	IN ₁ -EL-UP
72. duburlic:erse(1e), duburlic:ersale	IN ₁ -EL-HITHER
73. duburlic:erde(1e), duburlic:erdale	IN ₁ -EL-THITHER
74. duburleħe	IN ₂ -LAT
75. duburleħekale	IN ₂ -LAT-DOWN
76. duburleħehale	IN ₂ -LAT-UP
77. duburleħesele, duburleħesale	IN ₂ -LAT-HITHER
78. duburleħedele, duburleħedale	IN ₂ -LAT-THITHER
79. duburleħe = b	IN ₂ -ESS
80. duburleħerka(1e)	IN ₂ -EL-DOWN
81. duburleħerha(1e)	IN ₂ -EL-UP
82. duburleħerse(1e), duburleħersale	IN ₂ -EL-HITHER
83. duburleħerde(1e), duburleħerdale	IN ₂ -EL-THITHER
84. duburlihiti	POST
85. duburliguti	SUB ₂

Обозначения в глоссах

A – агенс; ABS – абсолютив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиальный показатель; ANTE – локализация ‘перед’; APUD –

локализации 'около'; ATR – «атрибутивный показатель»; CONV – конверб; COP – связка; DAT – датив; DOWN – директив 'вниз'; EL – элатив; ERG – эргатив; ESS – эссив; EXST – бытийный глагол; FIN – финитная форма; GEN – генитив; HAB – хабитуалис; HITHER – директив 'сюда'; IN – локализации 'в'; IPF – несовершенный вид; LAT – латив; LOC – локатив; LV – служебный глагол; M – мужской класс; N – неличный класс; OBL – показатель косвенной основы; PF – совершенный вид; PL – множественное число; POT – показатель основы потенциалиса; PRET – претерит; PRS – презенс; PRV – преверб; Q – вопросительная частица; REL – относительный префикс; STAT – стативный глагол; SUB – локализации 'под'; SUPER – локализация 'на'; THITHER – директив 'туда'; UP – директив 'вверх'. Числа указывают на лицо. Знак «=» отделяет классно-числовые показатели; знак «—» отделяет клитики.

Литература

Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. – Махачкала, 1971.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек / Под ред. В.А. Звягинцева. – М.: Изд. МГУ, 1970. – С. 110–156.

Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. – М.: Алетейя, 2003.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М.: Изд. МГУ, 1990.

Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. – М.: Пилигрим, 2006.

Магомедов А.А. Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке (по диалектным данным) // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. – Черкесск, 1983. – С. 191–202.

Муравьева И.А. Локативные серии: словоизменение или словообразование? – Известия РАН. Сер. литературы и языка. Том 53, № 3, 1994. – С. 39–43.

Comrie B., Polinsky M. The great Daghestanian case hoax // Case, Typology and Grammar / Ed. by A. Siewierska, J.J. Song. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998. – P. 95–114.

Daniel M., Ganenkov D. Case marking in Daghestanian: limits of elaboration // The Oxford Handbook of Case / Ed. by A. Malchukov, A. Spencer. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 668–685.

Geurds D. Incorporation // The Handbook of Morphology / Ed. by A. Spencer, A.M. Zwicky. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 84–100.

Greenberg J.H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of Language / Ed. by J.H. Greenberg. – Cambridge

(Mass.): MIT Press, 1963. – P. 73–113. [Русск. пер.: Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 114–161].

Hyman L. Suffix ordering in Bantu: a morphocentric approach // *Yearbook of Morphology 2002* / Ed. by G. Booij, J. van Marle. – Dordrecht: Kluwer, 2003. – P. 245–281.

Inkelas S. Nimboran position class morphology // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 11, 1993. – P. 559–624.

Kibrik A. Nominal inflection galore: Daghestanian, with side glances at Europe and the world // *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe* / Ed. by F. Plank. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 37–112.

Lander Yu. A. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases. – Forthc.

Mel'čuk I. Zero affixes and nominal cases in Daghestanian languages // *Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова* / Под ред. А. В. Архипова и др. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 176–183.

Mithun M. The reordering of morphemes // *Reconstructing Grammar: Comparative Linguistics and Grammaticalization* / Ed. by S. Gildea. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2000. – P. 231–255.

Rice K. Morpheme Order and Semantic Scope: Word Formation in the Athapaskan Verb. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Simpson J., Withgott M. Pronominal clitic clusters and templates // *Syntax and Semantics 19: The Syntax of Pronominal Clitics* / Ed. by H. Borer. – N.Y.: Academic Press, 1986. – P. 149–174.

Stump G.T. Template morphology and inflectional morphology // *Yearbook of Morphology 1996* / Ed. by G. Booij, J. van Marle. – Dordrecht: Kluwer, 1997. – P. 217–241.

Stump G.T. Template morphology // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. by K. Brown. Vol. 12. – Oxford: Elsevier, 2006. – P. 559–563.

Sumbatova N.R., Mutalov R.O. A Grammar of Içari Dargwa. – München: Lincom EUROPA, 2003.

van den Berg H. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus, With an Introduction to Dargi Grammar. – Leiden: CNWS, 2001.

¹ Работа основывается на докладе, сделанном автором на конференции «Востоковедные чтения 2008» 9 октября 2008 года. Материал работы был собран в марте 2008 года в с. Танты Республики Дагестан совместно с Н.Р. Сумбатовой. Автор признателен Д.С. Ганенкову, М.А. Даниэлю, Н.Р. Сумбатовой, З.М. Шаляпиной и аудитории конференции за обсуждение; особая благодарность М.Х. Мамаеву и Р.О. Муталову за помощь в организации полевой работы. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 07-04-00266а «Грамматика близкородственных языков с типологической точки зрения (на материале языков даргинской группы)»).

² См. обзоры и обсуждение организации склонения в дагестанских языках в [Кибрик, Кодзасов 1990; Comrie, Polinsky 2008; Кибрик 2003; Kibrik 2003; Daniel, Ganenkov 2008].

³ Сочетание локализации IN_2 с показателем косвенной основы $-li$ дает последовательность $-lehe$.

⁴ Следует сделать оговорку, что некоторые работы трактуют композицию подобных конструкций иначе; ср., например, работу [Муравьева 1994], также затрагивающую вопросы представления дагестанских локативных форм, в которой постулируются два параметра: «местоположение данного объекта по отношению к объекту-ориентир» и «состояние движения/покоя объекта по отношению к объекту-ориентир» (с. 39).

⁵ Вероятно, поэтому в [Кибрик 1970: 152] даргинский латив трактуется как образованный от эссива путем усечения его маркера и последующего добавления нулевого показателя.

⁶ Во многих нахско-дагестанских языках немаркированная локативная форма имеет эссивное значение ('нахождение в'), а эксплицитно маркируемые лативные значения могут описываться как производные от эссива (т. е. как движение, определяемое относительно местонахождения). В таком случае постулирование нулевой морфемы, естественно, не требуется; см. [Mel'čuk 2008]. В тантинском даргинском, как видно, ситуация иная.

⁷ Данная форма является особой формой, супплетивно соотносящейся с $qali$ 'дом'; см. раздел 3.1.

⁸ Эти показатели зафиксированы и в других даргинских идиомах. Так, показатель $-li$, такой же нерегулярный, отмечен в литературном даргинском языке, базирующемся на акушинском идиоме; см. [van den Berg 2001: 24], показатель $-na$ – в ицаринском даргинском [Sumbatova, Mutalov 2003], оба этих показателя засвидетельствованы в урахинском даргинском [Магомедов 1983: 193].

⁹ Стоит подчеркнуть, что такое понимание инкорпорации не является единственным. Речь здесь идет о концепции, ориентированной на морфологию, в то время как, в принципе, возможен и «синтаксически-ориентированный» взгляд, при котором под инкорпорацию подпадает значительно большее количество явлений (см. [Lander Forthc.]). С другой стороны, нередко это понятие, наоборот, сужается до инкорпорации имени в глагол.

¹⁰ Уже после сдачи статьи в печать была обнаружена аналогичная инкорпорация основ в наречия gut_i 'внизу'; ср. $kumiligut_i$ 'под мостом' (kum_i 'мост'). Не исключено, что сегмент ti в hit_i и gut_i исходно имел пролативное значение (Д.С. Ганенков, устн. сообщ.).

¹¹ Это делает уподобление директивной словоформы русским сочетаниям предложного падежа с предлогом оказывается еще более обоснованным, поскольку последнее, как известно, развились из сочетаний имени в локативном падеже с уточняющим расположением предлогом.